

библиотеки Симеона, может быть даже и в Охриде, где обе азбуки появляются одновременно уже в самых древних сохранившихся памятниках. Не настолько бесспорно, но в высшей степени вероятно, что преславские тексты распространялись и на Запад. Это движение письменных памятников из Преслава на Запад должно было особенно усилиться при Самуиле в связи с перенесением на Запад не только государственного, но и культурного центра вместе с резиденцией патриарха. Можно предполагать, что наряду с этим шел и процесс постепенного распространения кирилловского письма вместо глаголицы. К данному периоду относятся древнейшие датированные кирилловские эпиграфические памятники в Македонии: Самуилова плита 993 г. и недавно открытая Битольская надпись, хранящаяся в Битольском музее.

Таким образом, мне кажется, что при всех различиях в употреблении глаголицы и кириллицы в особенностях правописания, в лексическом материале и в степени текстологической верности кирилло-мефодиевской традиции болгарские и македонские тексты в X в. в смысле содержания должны были составлять одно целое, и с этой точки зрения македонское влияние на русскую письменность при ее возникновении в последние годы X в. не могло значительно отличаться от того, что могла бы дать Руси литература Преславской Болгарии.

Что касается общего характера болгарской литературы Преславского периода, то в славистике до последнего времени господствовало мнение, сформулированное А. И. Соболевским в 1908 г.: она состоит преимущественно из памятников, переведенных с греческого, и как переводная, так и оригинальная имеет церковно-религиозное содержание.¹⁰⁶ Умаление ценности древней литературы ввиду ее церковного характера, которое до недавнего времени держалось и в отношении русской письменности (типичнее всего у Голубинского), уже 100 лет назад вызвало компетентный ответ Ф. И. Буслаева, который указал, что в смысле общего религиозного характера славянская литература вполне аналогична современным ей западным, и показал, что наряду с общим религиозным характером в русской литературе существовала и светская струя.¹⁰⁷ В последнем вопросе — силы и количества светских элементов и идеологической направленности — Н. К. Гудзий считает, что русская литература Киевского периода значительно превосходит болгарскую, «насколько мы ее знаем».¹⁰⁸

Это ограничение — «насколько мы ее знаем», — по-моему, следует особенно подчеркнуть, поскольку все наше знание о болгарской литературе древнейшего периода основывается только на материале, который дошел до нас в русских списках, и поскольку следует учитывать, что период непосредственных русско-болгарских связей после крещения Владимира был чрезвычайно кратковременным, всего около 12 лет. В тот короткий промежуток времени в связи с проводившейся организацией русской церкви надо было прежде всего заботиться о самом необходимом для церковной жизни, и приходится удивляться, как рядом с богослужебной литературой могли быть за эти несколько лет перенесены и столь разнообразные про-

¹⁰⁶ А. И. Соболевский. Древняя церковнославянская литература и ее значение. Харьков, 1908, стр. 17; ср.: Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 33, где приведено и аналогичное воззрение А. Теодорова-Балана (Центральная Европа, № 10. Прага, 1930, стр. 597).

¹⁰⁷ Ф. И. Буслаев. История русской литературы (Лекции, читанные наследнику цесаревичу Николаю Александровичу, 1859—1860), вып. 1. М., 1904, стр. 251 и сл.; см.: Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 44—45.

¹⁰⁸ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы, стр. 32—33 и 65—66.